

УДК 330.1

К. К. Рихтер, Н. В. Пахомова

МИРОВОЙ КРИЗИС, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНЫХ И ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Значительная часть западного общества традиционно весьма критично, а порой и беспощадно относится к ошибочным действиям в прошлом. Это касается и оценки промахов неолиберализма — основного направления, которое господствовало в экономической теории в последние десятилетия.

В обществе растет убеждение, что для предотвращения в будущем очередного финансово-экономического коллапса необходимо обратиться к концепции устойчивости, которая должна применяться к развитию общества, бизнеса, а также к самой экономической науке. Устойчивость предполагает реализацию принципов справедливости, уважения и ответственности перед современной жизнью и перед шансами будущей жизни. В центре этой

ПАХОМОВА Надежда Викторовна — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории СПбГУ. Окончила Экономический факультет ЛГУ. В 1974 г. защитила кандидатскую, в 1988 — докторскую диссертации. Автор 160 научных работ (в том числе на английском, немецком и украинском языках) по современной экономической теории, экономике природопользования и экологическому менеджменту. В рамках международных проектов проходила повышение квалификации в университетах г. Тюбинген, Кёльн, Франкфурт/Одер (Германия), Вена (Австрия), читала лекции в вузах Германии, Словении, Уругвая и Белоруссии. Осуществляла руководство с российской стороны рядом исследовательских грантов с зарубежными вузами-партнерами, включая Европейский Университет Виадрины (Германия), Университет Осло (Норвегия). Член-корреспондент Российской академии естественных наук и действительный член Академии гуманитарных наук. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Член Российского отделения международного общества экологической экономики.

РИХТЕР Кнут Курт — д-р физ.-мат. наук, канд. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой промышленного менеджмента Европейского университета Виадрины (Франкфурт/Одер, Германия). Почетный профессор и Почетный доктор Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург). Окончил Экономический факультет ЛГУ. В 1978 г. защитил докторскую диссертацию. Автор более 160 научных работ по математическому моделированию, исследованию операций, экономике промышленного предприятия, экологическому менеджменту. Сфера научных интересов также охватывает логистику и операционный менеджмент. Имеет публикации в ведущих международных научных журналах, включая «International Journal of Production Economics», «European Journal of Operational Research», «Central European Journal of Operations Research», «OR Spektrum» и др. Читал лекции в качестве приглашенного профессора в университетах Эфиопии, Венгрии, Уругвая, Белоруссии и Словении.

© К. К. Рихтер, Н. В. Пахомова, 2009

концепции лежит ориентация на истинные и долгосрочные интересы человека, которые далеко не всегда могут отражаться на подверженных спекулятивным гонкам финансовых рынках, в планах олигархов, да и в иных государственных структурах.

Устойчивость развития экономической науки предполагает исключение условий, обеспечивающих доминирование в ней одной из теоретических доктрин, так же как и злоупотребление ее сторонниками своим исключительным положением. В реальном бизнесе подобное злоупотребление чревато наложением на виновников так называемых оборотных штрафов, доходящих до 10–15% годового дохода. Что касается науки, то последствия подобного доминирования ложатся тяжелым грузом на все общество, которое расплачивается за своеобразный стовор определенной части научной элиты, практических политиков, реализующих ее идеи, а также бизнеса (по большей части транснационального). Предпосылки предотвращения возникновения подобных ситуаций в будущем, драйверы устойчивого развития экономической науки в долгосрочных интересах всего общества, грани ответственности ученых-экономистов обсуждаются в данной статье.

Мировой кризис, опасность доминирования в экономической науке и ответственность ученых

Проходящую на страницах авторитетных научных изданий дискуссию о значении теоретических исследований и их воздействии на формирование экономической политики [4; 5; 7] заметно подстегнул мировой кризис, который резко повысил значимость вырабатываемых учеными аргументированных и своевременных практических рекомендаций. Разумеется, в этих условиях никто не может освободить от ответственности неолиберальное направление, бывшее официальным мейнстримом во многих странах, и прежде всего в США, ситуация в которой и дала толчок экономическому кризису. В данном случае авторы ставят задачу не столько влиться в общий хор критиков теоретических идей, не выдержавших проверку временем, сколько определить условия, минимизирующие в будущем возможность повторения ситуации, когда за последствия доминирования в практической экономической политике одной из научных доктрин приходится расплачиваться всему обществу.

Анализируя ключевые проблемы, которые находились в центре политических и бизнес-интересов в последние двадцать лет, можно заметить, что по меньшей мере трижды в течение этого периода экономисты-теоретики попадали в серьезные ловушки и оказывались перед «разбитыми корытами». Речь идет, наряду со ставшей очевидной несостоятельностью в условиях современного мира неолиберальной доктрины, о крушении виртуальной интернет-экономики и, наконец, о крахе представлений о безграничных возможностях финансовых рынков.

Ученые-экономисты, которые пропагандировали на этот счет свои весьма ограниченные взгляды и настойчиво распространяли их среди широкой публики, включая молодое поколение будущих политиков, экономистов и менеджеров, в том числе посредством преподавательской и исследовательской деятельности, еще более усугубляли сложность возникшей ситуации. Поскольку основными заказчиками и покупателями услуг, предоставляемых экономической наукой, являлись ориентированные на краткосрочные горизонты представители бизнес-сообщества, а также политики, то в этой ситуации вряд ли можно было рассчитывать на результат, отличный от имеющегося сегодня, в виде мирового финансово-экономического кризиса. По всей видимости, только зрелое общество способно заставить подобных «игроков» заказывать науке услуги, которые действительно отвечают долгосрочным интересам и самого бизнеса, и социума.

Злободневность таких оценок и выводов подтверждает обращение к относительно недалекой истории развития экономической мысли. Речь в данном случае идет о ситуации, сложившейся в середине прошлого столетия в связи с разработкой Джоном Кларком теории конкуренции и эффективных рыночных структур. Он предпринял попытку освободиться от нормативных и нереализуемых на практике «чистых и совершенных конкурентных схем» [6]. Предложенная им более гибкая и приближенная к реальности типологизация моделей рыночных структур, которая включила в свой состав, в терминологии автора, «работающую», или эффективную (но не совершенную) конкуренцию, была отвергнута усилиями представителей доминировавших в тот период идей. Она не вошла в стандартные тексты по микроэкономике [9], в которых в течение всего последующего периода господствовали представления о модели совершенной конкуренции в качестве образца экономической эффективности и социальной справедливости. Обращение в последующем ряда экономистов к идеям эффективной конкуренции, которая, по оценке У. Шеферда, к 2000 г. охватывала до 70% экономики США, позволило, прежде всего, утвердить отвечающую реальной действительности экономическую концепцию, согласно которой именно сбалансированная эффективная конкуренция открывает простор для инноваций, эффективности и справедливости [12]. Кроме того, данные теоретические результаты, наконец-то получившие «права гражданства», оказали несомненное влияние на обоснование конкурентной политики, включая государственный мониторинг деятельности крупных компаний на рынках с олигополистической структурой, для которых вследствие их стремления к сговорам высока вероятность нарушения конкурентного баланса.

Проблема монополизации и извлечения крупными компаниями сверхприбылей за счет злоупотребления доминирующим положением, как показывает история развития экономической мысли, имеет прямое отношение и к монополизации научного знания. В этой связи представляет немалый интерес совершенное в 1960–1970-е годы представителями новой Чикагской школы смещение акцентов теоретического анализа вплоть до подмены понятий, оказавшее существенное воздействие на ориентиры официальной экономической политики США и других стран. Суть подмены состояла в том, что вместо углубления представлений о соотношении монополии и конкуренции в новых для того периода социально-экономических условиях усилиями ряда представителей этой школы, включая М. Познера, произошло смещение акцентов в сторону противопоставления свободного рынка и государства. Общая направленность и система аргументации при этом заключались в стремлении принизить реальную роль и место монополий в современной экономике и таким путем облегчить «тяжесть предъявляемых им обвинений». Основным объектом критики становилось государство, чье вмешательство в экономику служит, по мнению сторонников данных взглядов, основным источником неэффективности [10]. Отметим попутно, что данные представления не остались без поддержки и со стороны ряда российских исследователей [1]. Сегодня, как хорошо известно, даже самые радикальные приверженцы свободного рынка обращают свои взоры к государству, в частности, для спасения, вплоть до временной национализации, обанкротившихся компаний и банков. Однако пробудившиеся симпатии к государственному присутствию в экономике вряд ли являются искренними и устойчивыми. Не следует исключать, что после ослабления кризисных процессов в реальной экономике и в финансовой сфере все может возвратиться «на круги своя», и компании, спасенные от банкротства за счет средств налогоплательщиков, вновь будут извлекать сверхприбыли, монополизировав свою рыночную власть.

Одним из ученых, который за несколько лет до современного глобального кризиса предостерегал против опасностей одномерных финансовых представлений о мире, был профессор Йельского университета (США) Роберт Джеймс Шиллер. Он, по свидетельству У. Хойзера, определил свой путь в экономическую науку следующим образом: «Когда человек является математиком, но хочет, как я, быть ближе к людям, он становится экономистом» [8]. Протестуя против неоклассических идей о человеке как абсолютно рационально мыслящем субъекте, Шиллер обратил внимание на огромное воздействие, которое оказывают эмоциональные факторы, особенно на принятие так называемых массовых решений. Наблюдая за массовым поведением на финансовых рынках и рынках недвижимости на стадиях их перегрева и бума в период, непосредственно предшествовавший коллапсу новой экономики, а также незадолго до текущего кризиса, он сделал вывод о возникновении на уровне массового сознания нерационального переизбытка чувств, которое блокирует разум людей. Следствием этого является полная утрата ощущения опасности и боязни чрезмерно рисковать, как и слепая вера в возможность заработать сверхприбыль там, где ранее люди рассчитывали, скажем, лишь на трехпроцентный доход. Именно после таких фаз экономика погружается в кризис, который оборачивается для незадачливых инвесторов крахом, затем следует их глубокое разочарование и далее состояние оцепенения, когда, напротив, люди начинают медлить с очевидно необходимыми и разумными решениями, что блокирует выход из экономической рецессии [8]. Вклад Шиллера в современную науку включает и другие ее практические приложения. Совместно с молодым поколением прагматических исследователей он занимается дизайном новых рынков, но не по либеральным рецептам, которые, по их мнению, недостаточны для современной экономики. Они экспериментируют с новыми, «богатыми изобретениями рынками», например с аукционными рынками по Интернету типа *eBay*.

В контексте обсуждаемых здесь проблем нелишне еще раз обратиться к вопросу об объекте изучения экономической науки, включая те целевые ориентиры, которые экономисты, будучи общественно ответственными исследователями, обязаны держать в поле своего внимания, в том числе при обосновании практических рекомендаций. И если на уровне студенческих учебников первых курсов университетов этот вопрос решается «просто», то на «взрослом» уровне проблема оказывается сложнее. На целесообразность вновь осмыслить этот вопрос указывает богатая палитра результатов, по которым присуждаются Нобелевские премии по экономике (они включают, наряду с собственно экономическими и финансовыми работами, исследования в области экономической психологии, теории поведения и ограниченной рациональности, теории игр, новой экономической географии и др.). Важной является и задача преодоления наследия того, что специалисты именуют «экономическим империализмом».

Обращаясь к поискам, которые ведут в данном направлении представители других областей знаний, авторы натолкнулись на весьма неожиданное на первый взгляд утверждение, что «математика — это то, чем занимаются математики» [14]. Сходная позиция, согласно которой «экономическая наука — это то, чем занимаются ученые экономисты», разделяется и некоторыми нашими коллегами по «научному цеху» [11]. Данное утверждение Мелтона Редера вряд ли целесообразно трактовать как призыв к волюнтаризму, в том числе и потому, что оно вполне вписывается в марксову традицию всеобъемлющего и комплексного анализа экономической системы капитализма. Подобный вывод, скорее, нацеливает на ответственный дискурс ученых с обществом о роли и месте науки, в данном случае экономической, которая должна преодолеть узкоэкономические горизонты

своего мышления, вырабатывая рекомендации, ориентированные на широкий социальный контекст.

Отметим в этой связи, что, с одной стороны, в интересах развития науки никто не вправе «со стороны», произвольно ограничивать круг изучаемых ею объектов, как и решаемые задачи и состав применяемых в этих целях методов. Если говорить о современных требованиях к экономической науке, то наряду с актуализацией вопроса о взаимосвязи между финансовой сферой и реальной экономикой* существенно возросло значение ее практических приложений. Речь в данном случае идет, прежде всего, об обосновании путей эффективного выхода из социально-экономического кризиса, а также условий, предотвращающих в будущем ситуации, когда общество оказывается неподготовленным к развертыванию, подобно снежному кому, вслед за финансовыми и экономическими потрясениями, кризисов в социально-политической сфере, а также в области корпоративного руководства (corporate governance)^{2*}.

При этом ученые как члены гражданского общества обязаны ответственным образом учесть его многообразные, а не только узкокоммерческие интересы, нормы и этические рамки и проводить исследования, приносящие пользу обществу в краткосрочной или среднесрочной перспективе^{3*}. Ответственность ученых включает необходимость обратить внимание общества на появляющиеся пагубные тенденции в его развитии. Новый кризис, повторим еще раз, — это очередной пример провала экономической науки ввиду ее односторонней монополизированной ориентации на отдельные части общества, особенно на частный и порой безответственный бизнес.

От устойчивого развития экономической науки к устойчивому обществу

Общество и представляющие его интересы политики^{4*} несут часть вины в этом провале экономической науки. Именно они все больше толкают науку на поиск финансовой поддержки у бизнеса и ограничивают тем самым ее в ведении объективных и порой не очень «модных» исследований.

Справедливость вместе с тем требует обратить внимание и на ту часть ответственных политиков^{5*}, бизнесменов^{6*} и представителей общественных кругов, которые уже давно понимали, что дело не только в финансовом кризисе как таковом. Финансовый кризис — это лишь вершина айсберга, под которым располагается кризис экономический, далее — кризис экологический и в основании их — кризис морально-этический, в центре которого находится крах неolibеральной доктрины. Уже Римский клуб, а за ним многие другие организации и общественные деятели постоянно обращали внимание на необходимость формирования ответственного отношения человека к основам своего существования (экосистема, общество, экономика, культура, религия). Устойчивость предполагает реализацию принципов справедливости, уважения и ответственности перед современной жизнью и перед шансами будущей жизни. В центре этой концепции лежит ориентация на истинные и действительно долгосрочные интересы человека, которые вряд ли могут найти свою реализацию на подверженных спекулятивным колебаниям финансовых рынках, в планах олигархов, да и в иных государственных структурах.

В этом смысле симптоматичным является обращение в современных условиях к подзабытой уже проблеме модернизации системы базовых макроэкономических индикаторов^{7*}, начиная с валового внутреннего продукта. Как отмечает по этому поводу Фриц фон Форхольц в статье «Недостатки статистики. ВВП в действительности не служит мерой благосостояния. Исследователи ищут замену» [13] в период, когда в Германии и других развитых европейских странах огромные средства направляются на поддержку ВВП,

сократившегося впервые после Второй мировой войны, эти усилия на самом деле вовсе не эквивалентны стабилизации и повышению национального благосостояния. Достаточно указать хотя бы на тот очевидный недостаток ВВП, что его рост может вызывать, например, увеличение числа дорожно-транспортных происшествий, если при этом возрастают медицинские, ремонтные и другие услуги.

Поиск более адекватных макроэкономических индикаторов ведет, в частности, сформированная под патронажем Президента Франции Николя Саркози комиссия под председательством Дж. Стиглица. Аналогичные усилия предпринимаются и в ряде других стран. Так, в Китае предлагают корректировать величину ВВП с учетом наносимого стране экологического ущерба. Выдвигаются и идеи построения индекса устойчивого экономического благосостояния на базе предложений лауреата Нобелевской премии Джеймса Тобина интегрировать в стандартные макроэкономические индикаторы, во-первых, издержки, направленные на предотвращение глобального изменения климата, а во-вторых, оценки услуг, предоставляемые домашними хозяйствами. Полученный в результате подобных корректировок макроэкономический индикатор предлагают именовать эко-социальным продуктом [13].

Принципы устойчивого развития (УР), справедливости, уважения и ответственности перед современной жизнью и перед шансами будущей жизни должны применяться также к науке, в том числе экономической. Общество само по себе не может называться устойчивым. Его инфраструктура (как институциональная структура общества, организации, и т. д.) должна создавать условия и стимулировать выход на траекторию устойчивого развития. Наука, в том числе и экономическая, может развиваться по устойчивому пути, т. е. использовать все возможности и потенциалы для материального, культурного, социального и экологически ответственного обогащения современного и будущих поколений, если для этого создается соответствующая инфраструктура и приводятся в действие адекватные драйверы развития^{8*}.

Какая инфраструктура и какие драйверы могут быть выделены как необходимые условия такого устойчивого развития науки, в том числе экономической? К принципам устойчивой политики и устойчивого поведения могут быть отнесены следующие [2; 16].

- Устойчивость и прозрачность систем, включая экологическую, реализация принципа предосторожности, своевременный учет риска и неопределенности.
- Экономическая устойчивость, включая ориентированную на долгосрочные интересы организацию экономических процессов, сохранение материального и нематериального капитала, стабилизацию финансовых ценностей и борьбу с инфляцией, ограничение долгов и неэффективной растраты ресурсов за счет будущих поколений, прозрачность и учет полных затрат и ценностей.
- Социальная устойчивость, включая учет взаимосвязи экономического роста, социальной справедливости и экологической устойчивости, право на доступ к информации и на участие в принятии решений, обеспечение всех равными шансами в своем развитии.
- Культурная устойчивость и устойчивое образование, включая воспитание социальной ответственности.
- Международные аспекты устойчивости.

Использование принципов УР в качестве драйверов развития экономической науки предполагает реализацию следующих требований. Экономисты всего мира должны располагать аналогичными мейнстриму возможностями представления своих идей в научных дискуссиях. Они должны уважать другие точки зрения. Экономисты должны понимать, что уже нет реальной экономики вне современных информационных систем

и нет современного образования без их привлечения. Особенно молодые ученые должны иметь привлекательные карьерные возможности.

Экономические науки, представители которых «плетутся» в хвосте утвердившего свое монопольное положение мейнстрима, чье внимание фокусируется лишь на ограниченной размерности экономической жизни, будут всегда оказываться среди отстающих. Для предотвращения давления господствующих теоретических парадигм на экономическую жизнь, которые, разумеется, отражают происходящие в развитии общества волнообразные процессы, необходимо создание адекватных условий для альтернативных теоретических идей, которые общество не имеет права игнорировать. Речь при этом идет об экономистах и менеджерах со всего мира, которые должны располагать аналогичными «официальным доктринам» возможностями представления своих идей в научных дискуссиях. Совокупность экономических наук, которые будут развиваться в рамках подобной институциональной структуры, только и может быть названа устойчивой.

Основными драйверами, обеспечивающими формирование необходимых для этого инфраструктурных условий, должны стать следующие:

- *во-первых*, финансовая и институциональная независимость ученых от бизнеса и государства^{9*};
- *во-вторых*, социальная и конституционная ответственность ученых за свои действия; борьба с плагиатом не только среди студентов, но и среди ученых, развитие культуры и этики научного труда;
- *в-третьих*, контроль качества исследований со стороны внешнего (включая международное) академического сообщества (посредством рейтингования, использования ренкингов и т. п.);
- *в-четвертых*, действительная независимость национальных и международных исследовательских фондов;
- *в-пятых*, формирование «плоских», т. е. без избыточной бюрократической надстройки, иерархий ученых в университетах и НИИ, а также наличие благоприятных возможностей и стимулов для молодых исследователей;
- *в-шестых*, наличие сильного лобби для отстаивания научных интересов (но не интересов администраторов от науки) с помощью независимых научных организаций;
- *в-седьмых*, плюрализм и равенство возможностей для всех экономических направлений и школ (включая теории, ориентированные на выражение не только интересов капитала, но и профсоюзов, малого бизнеса, государственных предприятий, малообеспеченных граждан, гастарбайтеров и др.);
- *в-восьмых*, доступность национальных и международных платформ (конференций и журналов) для интенсивного обмена идеями;
- *в-девятых*, единство исследовательской и преподавательской деятельности (принцип Гумбольдта) для всех ученых;
- *в-десятых*, концентрация усилий, прежде всего, на проверке научных гипотез и их последующей реализации, а не только на формировании нормативных теоретических конструкций.

Важным условием устойчивого развития системы экономического знания является также плюрализм и равенство возможностей для всех экономических направлений и школ, исследующих разные процессы и принимающих вызовы современного мира на глобальном, национальном, региональном, отраслевом уровнях и в рамках отдельных компаний. Объектом изучения должны быть и проблемы бесплатной общественной деятельности, международных негосударственных организаций защиты прав человека, окружающей

среды, доступности информации, защиты от коррупции в политике и в бизнесе, защиты от распространения глобальных болезней.

Решая проблемы формирования условий устойчивого развития экономических наук как обязательной составляющей устойчивости общества, важно держать в поле внимания и контрдрайверы, препятствующие реализации вышеперечисленных задач. К ним могут быть отнесены следующие:

- покорное следование в рамках национальных и региональных парадигм по однажды избранному пути;
- зависимость и воздействие устаревших традиций и опыта;
- языковые барьеры;
- элементарная ограниченность взглядов и нежелание повышать свою квалификацию;
- игнорирование прогрессивного обмена идей и теорий на глобальном уровне;
- уклонение от международного кооперирования ученых;
- превращение научных учреждений в бизнес-структуры.

* Как отмечают специалисты, односторонняя ориентация экономистов на финансовые рынки привела к такому абсурду, что сегодня почти ничего не известно о взаимосвязи между последними и рынками реального сектора [15].

^{2*} «Ярким» примером таких микрокризисов служит не только банкротство вследствие неэффективного руководства и ориентации на ложные цели известных зарубежных компаний и организаций, например, «Lehman Brothers», но и более чем тревожная ситуация с долгами ряда крупных российских компаний. Эта задолженность опасна не только своим размером (по оценкам, суммарный корпоративный долг российского бизнеса в настоящее время превышает 500 млрд долл.). Вызывает общественную тревогу и то обстоятельство, что под получение кредитных ресурсов (причем в основном в западных банках), которые ныне и превратились в долговые обязательства, были заложены системообразующие компании страны. Понятно, что их банкротство, как и возможный переход в руки зарубежных собственников, может обернуться подрывом национальной безопасности в ключевых для экономики страны отраслях.

^{3*} Отметим в этой связи, что углубление в «чистую» теорию и избежание соприкосновения с практикой характерны для развивающихся стран. В развитых странах достижение высоких уровней благосостояния и стандартов эффективности, напротив, основывается на тесной связи теоретических исследований и их практической реализации. Применение современных теоретических методов для решения проблем с большим практическим значением является престижным делом ученого и важным показателем высокого уровня его квалификации. Вместе с тем в тех же развитых странах бизнес-консультирование как деятельность, не являющаяся полностью независимой, как правило, не признается видом научной деятельности, хотя оно и может отличаться значительным творческим и интеллектуальным уровнем.

^{4*} Не в последнюю очередь финансовые трудности целого ряда государственных банков Германии, занимавшихся спекулятивным инвестированием в сомнительные рискованные активы, возникли из-за некачественного надзора политиков.

^{5*} Сошлемся здесь лишь на оценки, данные председателем Социал-демократической партии Германии Францем Мюнтеферингом (Franz Müntefering) роли хедж-фондов, которые, по его мнению, уничтожают реальный бизнес.

^{6*} В данном случае можно сослаться на объединения экологически и социально ориентированного бизнеса в разных странах, в частности, в рамках Глобальной инициативы по отчетности в области устойчивого развития (GRI — Global Reporting Initiative). К сожалению, участниками этой глобальной сети ответственного предпринимательства являются лишь несколько десятков российских компаний. В рейтинге стран, пропагандирующих социально-экологическую добровольную отчетность, Россия занимает предпоследнюю строчку.

^{7*} Аналогичные исследования активно проводились в 1970–1980-х годах под эгидой Статистической комиссии ООН и Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Они завершились представлением в декабре 1993 г. Подразделением статистики ООН (ЮНСТАТ) специального руководства по внедрению Интегрированной системы национальных счетов. В этой ИСНС стал отражаться ущерб, наносимый хозяйственной деятельностью окружающей среде, а также динамика запасов природных ресурсов. Однако в последующем данное руководство не получило широкого применения [3, с. 237–258].

* Драйверы (в финансовом контроллинге) представляют собой отдельные или комбинированные мероприятия и факторы финансовой инфраструктуры, через которые можно существенно влиять на улучшение конечных результатов. Сама инфраструктура в целостности выступает как мегадрайвер.

* Согласно § 5(3) Конституции Германии: «Kunst, Wissenschaft, Forschung and Lehre sind frei» (Искусство, Наука, Исследования и Преподавание являются свободными).

-
1. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 2002. № 9. С. 18–45.
 2. *Пахомова Н. В., Рихтер К. К.* Экономика природопользования и экологический менеджмент: Учеб. пособие: 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ОЦЭиМ, 2006. С. 51–55; 271–279.
 3. *Пахомова Н. В., Рихтер К. К.* Экономика природопользования и экологический менеджмент: Учебник для вузов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1999. 499 с.
 4. *Рязанов В. Т.* Мировой финансовый кризис и экономика России: точка разворота? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 1. С. 3–21.
 5. *Сухарев О. С.* Институциональная экономика. Теория и политика. 2008. М.: Наука, 863 с.
 6. *Clark J. M.* Towards a concept of workable competition // American Economic Review. 1940. Vol. 33. P. 241–256.
 7. *Frontiers of Evolutionary Economics. Competition, Self-Organization and Innovation Policy* / Ed. by Foster J., M. J. St. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA. Edward Elgar. 2001. 397 с.
 8. *Heuser U. J.* Wer Denkt für Morgen? Wirtschaft mit Gefühl // Die Zeit (дата обращения: 20.04.2009). N 15. April.
 9. *Hunt S. D.* A General Theory of Competition. Resources, Competences, Productivity, Economic Growth. California, London, New Delhi: Sage Publications Inc. 2000. P. 56–60.
 10. *Posner R. A.* The Social Costs of Monopoly and Regulation // Journal of Political Economy. 1975. Issue 83 (August). P. 807–827.
 11. *Reder M. W.* Business & Economics. 2001.
 12. *Shepherd W. G., Shepherd J. M.* The Economics of Industrial Organization: Fifth Edition. 2004. Illinois: Waveland Press, Inc. P. 3–13.
 13. *Vorholz F.* Die Mängel der Statistik // Die Zeit. 26.03.2009. N 14. März.
 14. <http://www.c3.lanl.gov/mega-math/gloss/math/doing.html>
 15. URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/0,1518,615301,00.html>
 16. URL: <http://sbjum.de/english/html/princustdet.html>

Статья поступила в редакцию 25 мая 2009 г.